ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 15.11.2021 | Заал Анджапаридзе

«3+3» – сложная задача

Сможет ли Грузия найти формы взаимодействия с инициативой о новом формате сотрудничества на Южном Кавказе

Вторая карабахская война создала на Южном Кавказе новую геополитическую реальность. После прекращения огня и объявления перемирия между Арменией и Азербайджаном практически без участия западных членов Минской группы усилия внешних региональных игроков – России и Турции – по трансформации конфликта и закреплению обретенного влияния в регионе выглядели логичным продолжением процесса. «Формат шести» – мирная инициатива, предложенная президентами Турции и Азербайджана, развитая Россией в виде переговорного формата «3+3» с участием России, Ирана, Турции, Армении, Азербайджана и Грузии, которая предполагает прежде всего разблокирование всех транспортных коммуникаций, восстановление экономических связей в регионе и продвижение взаимовыгодных инфраструктурных проектов.

Данную инициативу как шаг по укреплению мира в регионе в разной степени приветствовали все заявленные участники. Лишь Грузия в силу отсутствия дипломатических отношений с Россией заявила о невозможности участия. Сейчас главные инициаторы «3+3» на разных уровнях и разными путями пытаются добиться согласия Грузии присоединиться к формату.

Хрупкость послевоенного перемирия в регионе, противоречие интересов предполагаемых участников этого формата и отсутствие в нем Запада ставят Грузию перед трудной дилеммой.

Сторонники участия Грузии в формате «3+3» аргументируют свою позицию тем, что отказ Тбилиси создаст дополнительные проблемы в сфере безопасности и оставит за бортом многообещающие инфраструктурные и транспортные проекты, но их явное меньшинство.

Большинство экспертов категорически против участия страны в

данном формате. Они считают, что даже участие в масштабных инфраструктурных проектах таит в себе риск постепенно оказаться в зоне российского геополитического влияния. В качестве примера приводят открытие железнодорожного сообщения через Абхазию, а также строительство автомобильной трассы, соединяющей Грузию и Чечню. Даже дружественные связи Грузии с другими членами предполагаемого формата не смогут нейтрализовать эти риски.

Кроме того, Грузия, впрочем, как и Армения, не имеющая богатых природных ресурсов и находящаяся в геополитически уязвимом положении, в «формате 3+3», скорее всего, окажется в роли «младшего брата».

Еще одну серьезную озабоченность вызывает отсутствие в данном формате Европейского союза и США. Этот факт рассматривается как попытка вытеснения Запада из региона в ущерб интересам Тбилиси. Грузия пока единственный стратегический союзник Запада на нестабильном Южном Кавказе, и она связана целым рядом военно-политических соглашений с США, ЕС и НАТО.

В пользу неучастия в «3+3» также говорят хорошо отлаженные двусторонние экономические связи со странами – участниками формата, в том числе с Россией, которая прочно занимает место в первой тройке внешнеторговых партнеров Грузии.

В грузинских же официальных кругах отношение к формату «3+3» осторожное. Похоже, власти пытаются найти вариант, где «и волки будут сыты, и овцы целы». Так, президент Грузии Саломе Зурабишвили на встрече с министром иностранных дел Ирана Джавадом Зарифом в январе этого года приветствовала «Кавказскую инициативу», в которой Иран видит перспективу транзитного коридора, соединяющего Черное море с Персидским заливом. А заявление главы МИД Грузии Давида Залкалиани 8 октября, что Тбилиси каким-то образом должен быть представлен в новом переговорном формате «3+3», несмотря на существующие разногласия с Россией, вызвало резкую критику со стороны оппозиции. Тогда МИД пришлось срочно дезавуировать заявление министра как неправильно интерпретированное.

Если формат «3+3» все-таки будет запущен, Грузии предстоит принять трудное решение о формах взаимодействия с ней. И здесь важное, если не ключевое значение имеет то, в каком направлении трансформируется подход Запада к этому усиленно продвигаемому Россией и Турцией фактически геополитическому проекту.

На этот счет существуют несколько соображений. Наиболее оптимистичным для Грузии был бы сценарий пересмотра Западом своего изначально скептического отношения к данной инициативе. Восстановление бездействующих транспортных коммуникаций и задействование новых, оживление торгово-экономических и межличностных связей могли бы способствовать постепенной стабилизации в мире и регионе. С чисто прагматической точки зрения, ЕС и США, обремененные множеством других, более приоритетных проблем, могут быть заинтересованы в установлении в этом турбулентном регионе мира и стабильности, пусть даже усилиями других игроков. В этих условиях они могли бы возобновить региональные энергетические и инфраструктурные проекты в регионе, стать востребованными участниками мегапроектов и сохранить имеющиеся рычаги влияния.

Кроме экономической составляющей, попытки Грузии взять на себя функцию медиатора в пока еще неразрешенном армяно-азербайджанском конфликте могли бы оказаться полезными для Запада. В этом плане уже есть конкретный успешный пример с участием Грузии и США, касающийся передачи армянских военнопленных в обмен на карты минирования.

Таким образом, как участие, так и неучастие Грузии в «3+3» может повлиять на ее безопасность, экономические интересы и в какой-то степени на отношения с соседними Турцией, Арменией и Азербайджаном. Опасения о негативном влиянии на отношения с Западом отчасти преувеличены. Тбилиси мог бы найти формы взаимодействия с форматом «3+3», которые не повлияли бы на его прозападный геополитический выбор. Многое, конечно, будет зависеть от Запада: увидит ли он в предлагаемом формате вызов или возможность добиться мира и стабильности в регионе, пусть чужими руками.

Заал Анджапаридзе
Тбилиси

Заал Анджапаридзе (Zaal Anjaparidze) работает координатором программы по мирному диалогу на Кавказе в Международном центре по конфликтам и переговорам. До этого работал в Фонде Европы, в международных проектах USAID по развитию демократии в Грузии, в Кавказском институте мира, демократии и развития, а также главным редактором еженедельника Georgia Today.